

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ «РЕКОНСТРУКЦИЯ» БИБЛЕЙСКОГО ОБРАЗА ИУДЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА (Л. АНДРЕЕВ «ИУДА ИСКАРИОТ» И М. БУЛГАКОВ «МАСТЕР
И МАРГАРИТА»)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме переосмысления русскими писателями Л. Андреевым и М. Булгаковым библейского образа Иуды Искарота. Анализируется влияние особенностей культуры писателя на интерпретацию ключевого образа христианской мистерии. Актуальность данной темы особенно возросла после обнаружения и перевода в 2006 году древней коптской рукописи, в которой Иуда представлен не как предатель Христа, а как исполнитель его тайного поручения, способствующий приближению факта распятия и последующего воскресения. Такая трактовка библейского сюжета резонирует с опытом интерпретации образа и Л. Андреевым, и М. Булгаковым. Образы Иисуса, Иуды и Пилата созданы авторами в результате трансформации фабулы евангельского повествования с подчеркнуто выраженным национальным колоритом. Своими проявлениями человеческого начала, а также наличием некоторых «исконно русских черт» (сентиментальность, незащищенность, упование на «добрых людей») Иисус Л. Андреева близок Иешуа М. Булгакова. Оба писателя рассматривают библейские образы не в религиозно-мистическом, а в психологическом пространстве, что меняет акцент: евангельский образ Иуды символизирует зло, а в художественном тексте появляется психологическая мотивировка его поступка. В результате именно такой реконструкции образ Иуды обретает особую коммуникативно-идентификационную функцию. Выступая посредником не только между читателем и конкретным текстом, но и выводя повествование в широкий культурный контекст, образ Иуды свидетельствует о кардинальных изменениях современной культуры, отказывающейся во многом от традиционных христианских ценностей в пользу ценностей материальных ради «человека неприкаянного» и, как следствие, «гибнущего».

Ключевые слова: «вечные» образы, русская литература XX века, взаимодействие религии и культуры, реконструкция библейских образов, Л. Андреев, М. Булгаков.

Понятие «вечных» литературных образов является объектом научной рефлексии не только литературоведения, но и ряда других гуманитарных наук в силу присущей этому понятию структурной многослойности и философско-эстетической доминанты. Значительность и неисчерпаемость заложенного в «вечные» образы смысла, а также неполнота явленности этого смысла и связанная с нею многозначность сближает их с широкими культурологическими понятиями символа и мифа. Такое сближение с мифом обусловлено новым пониманием мифологии, намеченным еще в романтической философии и реализованным в научных концепциях XX века, когда миф понимается не столько как исторический феномен, рожденный архаическим сознанием, сколько как вневременная универсалия, связанная с понятием целостности и родственная художественному сознанию.

Наиболее масштабными и значительными вечными образами являются образы библейские. На протяжении веков Библия остается самым влиятельным текстом европейской культуры, вдохновляя писателей на создание новых произведений и становясь предметом творческой рефлексии. Особенности национальной истории и национальной ментальности неизбежно приводят к трансформации «библейского» в отдельных культурах. С другой стороны, подключение к христианской традиции существенно «размыкает» границы любого авторского сочинения, вписывает данный текст в макротекст культуры в целом.

Среди библейских повествований Новый завет и образ Христа особенно стимулируют воображение писателей. Многообразие и разнородность писательских реакций на фигуру Иисуса дают основание некоторым критикам утверждать, что «переписывания» евангельского рассказа о жизни Иисуса можно рассматривать как особый литературный жанр, представляющий значительный исследовательский интерес. Некоторые из пересказов Нового Завета созданы с целью подчеркнуть глубину и значимость библейского повествования, в то время как иные бросают вызов традиционным интерпретациям.

Объектом нашего внимания являются два произведения русской литературы XX века: повесть «Иуда Искарот» Л. Н. Андреева и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Трагическая роль, которую сыграл Иуда в судьбе Иисуса, а также противоречивость, недосказанность данного евангельского сюжета открывали широкое поле для новых толкований, что привело к «разногласию мнений» относительно данных образов. В Евангельской истории роль Иуды, скорее, мистическая, то есть необъяснимая с точки зрения реального, повседневного опыта. С его именем, с его деянием связывается, по слову протоиерея Павла Алфеева, «дело сатаны в собственном

смысле слова» [1, с. 119]. Именно с этой точки зрения смотрит на него христианская традиция, не пытавшаяся объяснить психологические противоречия его поведения и весьма осторожно относившаяся к попыткам такого рода. «Низким предателем, жестоким убийцей, не заслуживающим снисхождения, продолжали видеть Иуду, Данте и Мильтон, Камюэнс, Гёте, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других людей, коими гордится мир» [5, с. 171]. И только в апокрифических текстах (ересях) Иуда представлен самым сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа. В XX веке возникла новая волна интерпретаций евангельского сюжета (А. Ремизов, А. Рославлев, Н. Голованов). Отталкиваясь от евангельского первоисточника, русские писатели вносили в эти образы национальную специфику. Актуальность исследования трансформации в художественной литературе образа Иуды-предателя особенно возросла после обнаружения и перевода в 2006 году древней коптской рукописи, в которой Иуда представлен не как предатель Христа, а как исполнитель его тайного поручения, способствующий приближению факта распятия и последующего воскресения. Такая трактовка библейского сюжета резонирует с опытом и Л. Андреева, и М. Булгакова.

Повесть Леонида Андреева «Иуда Искариот» (1907) – отправная точка для русской традиции в переосмыслении евангельского персонажа Иуды [2; 7; 9].

Иуда в повести Л. Андреева находится в состоянии мятущегося непонимания, он не может принять себя таким, какой он есть, так как в нем живет еще один человек, который видит окружающий мир иначе. Это мучительное соединение света и тьмы, предательства и отцовской заботы о Христе: Андреев дважды вкладывает в уста Иуды фразу: «*Я здесь, сынок, здесь!*». В герое происходит внутренняя борьба с самим собой, и, какая сторона победит, и куда «приведет» она, неизвестно до конца произведения. Автор дает читателю возможность заглянуть в бездонную человеческую душу, заставляет задуматься над вопросами бытия и искать ответ на них в глубине собственной души.

В интерпретации евангельского текста Л. Андреевым именно Иуда становится катализатором христианской мистерии: творцом распятия Христа. Тема предательства получает неоднозначную трактовку: предательство Иуды – формальное, оно открывает истинное предательство учеников-апостолов, а через них низость всего человечества, не признавшего своего Спасителя. По сути, именно Иуда Искариот выполняет историческую миссию создания новой религии, воспевающей жертвенную смерть Сына Божьего на кресте во искупление человеческих грехов.

Иуда в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940) скорее может быть назван провокатором, чем предателем. «*У него есть только одна страсть... страсть к деньгам*», – говорит об Иуде начальник тайной стражи Афраний. За деньги первосвященников он специально знакомится с Иешуа, затем приглашает его к себе в дом, в котором заранее устроена засада. В доме Иуда провоцирует Иешуа на разговор о государственной власти, а позже пишет на него донос, обвиняя в призывах к свержению императора.

Образы Иисуса, Иуды и Пилата у Л. Андреева и М. Булгакова – «фантазия на евангельскую тему» с ярко выраженным национальным колоритом. Как пишет современный исследователь В. Крючков, андреевский Иисус предстает перед читателем «напитанный плотью и кровью мира» [7, [http](#)]. Своими проявлениями человеческого начала, а также наличием некоторых «исконно русских черт» (сентиментальностью, незащищенностью, упованием на «добрых людей») Иисус Л. Андреева близок Иешуа М. Булгакова. Оба писателя рассматривают библейские образы не в религиозно-мистическом, а в психологическом ключе, меняя акценты: в сакральном тексте Евангелия образ Иуды символизирует зло, в то время как в художественном тексте появляется психологическая мотивировка его поступка.

Оба писателя (М. Булгаков и Л. Андреев) прекрасно знали Библию. Булгаковская богословская эрудиция доказана многими исследователями (И. Галинской [4], Б. Соколовым [10], Н. Утехиным [11] и др.).

Наличие «ветхозаветного слоя в повествовании, написанном на новозаветном материале» в повести Андреева убедительно доказывает исследователь Л. А. Западова [6, с. 96]. Анализируя повесть, автор показывает, как много цитат из Ветхого завета «вмонтировано» в андреевский текст (задействованы тридцать книг Библии, среди них Книга притчей Соломона, Песнь Песней, Книги Пророков и др.). Действительно, на «мотивном уровне» евангельский текст и его образы представлены в повести весьма основательно. Оба произведения в какой-то мере являются реализацией «нарратива болезни» их авторов: Иисус и Иуда представляют две «стороны» самого Андреева, Иешуа и Пилат – два аспекта личности самого Булгакова. У обоих авторов мы наблюдаем сознательный вызов традиционному изображению взаимодействия божественного и человеческого. Так, Леонид Андреев оставляет Христа на периферии повествования, а на первый план выводит Иуду с его переживаниями и мучительным поиском правильного решения.

У М. Булгакова в центре внимания оказывается Пилат и его нравственный выбор. Образ Иешуа сознательно «снижен», приближен к земле, что позволяет провести параллели: Иешуа – Мастер и Иешуа – Булгаков.

В обоих произведениях мотив предательства становится основным. В Евангелии предательство Иуды – вполне осознанный поступок, который он совершает из корыстных побуждений. У Булгакова Иуда – заурядный, самовлюбленный, сластолюбивый человек, который становится провокатором из соображений выгоды и не испытывает никаких угрызений совести; зато муки совести испытывает Пилат. У Андреева образ Иуды находится в резком противоречии с христианской традицией. Иуда любит Христа, но уверен (как и Пилат, у Булгакова) в справедливости своего циничного взгляда на мир, и все же надеется оказаться неправым.

Таким образом, переосмысление образа Иуды Искарриота в произведениях обоих авторов связано со стремлением взглянуть на образ предателя как на более сложный: «человеческий», психологически амбивалентный, объективнее характеризующий человека в современном мире. И у Андреева, и у Булгакова Иуда персонаж не отрицательный и не положительный, он такой, каким его хочет видеть воспринимающий индивид. Он выведен за пределы только религиозного взгляда на мир, и истоки его трагизма – в самой человеческой природе. Реконструированный «реабилитированный» образ Иуды существует сам по себе, без связи с целостностью, как симулякр, знак, освободившийся от реальности, символ «всеобщей-ни-к-чему-не-привязанности», «ни-во-что-не-верия» [3, с. 52]. Пересмотр образа Иуды, а следовательно, Евангелия, есть несомненное преодоление предела Беспредельного [12, с. 113–131], перейдя через который, человек оказывается перед пустотой, возникающей как результат «смерти Бога». В результате такой художественной реконструкции образ Иуды обретает коммуникативно-идентификационную функцию, выступая посредником не только между читателем и конкретным текстом, но и широким культурным контекстом, свидетельствует об изменении в системе ценностей современной культуры, отказывающейся во многом от традиционных христианских ценностей в пользу ценностей «человека неприкаянного» и, как следствие – «гибнущего».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфеев П. И. Иуда-предатель. Рязань: Типография Братства св. Василия, 1915. 145 с.
2. Афанасьев Э. С. Повесть Л. Н. Андреева «Иуда Искарриот»: «психология предательства» // Литература в школе. 2016. № 2. С. 11–15.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
4. Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч. информ. исслед. Отд. культурологии / отв. ред. Л. В. Скворцов. М., 2003. 132 с.
5. Горький М. Леонид Андреев // Горький М. Литературные портреты. М.: Гослитиздат., 1959. 592 с.
6. Западова Л.А. Источники текста и «тайны» рассказа-повести Иуда Искарриот // Русская литература. 1997. № 3. С. 93–101.
7. Зеленцова С. В., Михеичева Е. А. Трансформация образа Иуды: опыт Л. Н. Андреева и Амоса Оза // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1 (78). С. 126–133.
8. Крючков В. Образ Иисуса в повести Л. Н. Андреева «Иуда Искарриот», или смеялся ли Христос? URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200301502> (дата обращения: 23.02.2021).
9. Макеева С.Г. Художественная антропология образа Иуды Искарриота в литературе XX века // Философия и культура. 2012. № 6 (54). С. 70–81.
10. Соколов Б. Булгаков. Мистический Мастер. М., Вече, 2014. 256 с.
11. Утехин Н.П. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: Об источниках действительных и мнимых // Русская литература, 1979, № 4, с. 97–102.
12. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. 346 с.

A. V. Podgorskaya (Magnitogorsk, Russia)

ARTISTIC "RECONSTRUCTION" OF BIBLICAL IMAGES IN THE XX CENTURY LITERATURE (L. ANDREEV'S "JUDAS ISKARIOT" AND M. BULGAKOV'S "MASTER AND MARGARITA")

Abstract. The article examines one of the aspects of the multifaceted interaction of religion and culture, namely the perception and rethinking on the image of Judas Iscariot by Russian writers of the 20th century L. Andreev and M. Bulgakov. The author analyzed the influence of the writers' culture peculiarities on the interpretation of the biblical images. The theme of Judas has become especially in demand in recent years: after the discovery of an ancient Coptic

manuscript, the Gnostic apocrypha "The Gospel of Judas" (modern translation of 2006), in which Judas appears not as a villain, but as a hero who fulfilled the secret command of Christ to organize His crucifixion and thus, to bring closer the salvation of human race. This version resonates with the experience of both L. Andreev and M. Bulgakov. The images of Jesus, Jude and Pilate were created by the authors as a result of the transformation of the Gospel narrative plot, and with a pronounced national flavour. L. Andreev's Jesus is close to M. Bulgakov's Yeshua by his manifestations of the human principle, as well as by the presence of certain "primordially Russian features" (sentimentality, insecurity, reliance on "good people"). Both writers consider biblical images not in a religious-mystical, but in a psychological system of coordinates, as a result of which the emphasis changes: in the sacred text of the Gospel, the image of Judas symbolizes evil, while in the literary text there appears a psychological motivation for his act, revealing the linguo-cultural potential of biblicalism and its ability to attest to the changes taking place in modern culture: the rejection of traditional Christian values in favour of the person's values who rejects the spiritual for the sake of the material, "a restless person" and, finally, "a dying person".

Keywords: Russian literature of the 20th century, the interaction of religion and culture, the transformation of biblical images, L. Andreev, M. Bulgakov.

REFERENCES

1. Alfeev P. I. Iuda-predatel'. Ryazan, Tipografiya Bratstva sv. Vasiliya, 1915, 145 p.
2. Afanas'ev E.S. Povest' L.N. Andreeva «Iuda Iskariot»: «psikhologiya predatel'stva», *Literatura v shkole* [Literature at school], 2016, no. 2, pp. 11–15.
3. Bodriyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert', Moscow, Dobrosvet, 2000, 389 p.
4. Galinskaya I. L. Nasledie Mikhaila Bulgakova v sovremennykh tolkovaniyakh Sb.nauch.tr. / RAN INION. Tsentr gumanit. nauch. inform. issled. Otd. kul'turologii; otv. red. L.V. Skvortsov, Moscow, 2003, 132 p.
5. Gor'kii M. Leonid Andreev, Gor'kii M. Literaturnye portrety, Moscow, Goslitizdat., 1959, 592 p.
6. Zapadova L. A. Istochniki teksta i «tainy» rasskaza-povesti Iuda Iskariot, *Russkaya Literature*, 1997, no. 3, pp. 93-101.
7. Zelentsova S. V., Mikheicheva E. A. Transformatsiya obraza Iudy: opyt L.N. Andreeva i Amosa Oza, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 1 (78), pp. 126–133.
8. Kryuchkov V. Obraz Iisusa v povesti L. N. Andreeva «Iuda Iskariot», ili Smeyalsya li Khristos? URL:<https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200301502> (data obrashcheniya: 23.02.2021).
9. Makeeva S. G. Khudozhestvennaya antropologiya obraza Iudy Iskariota v literature KhKh veka, *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2012, no. 6 (54), pp. 70-81.
10. Sokolov B. Bulgakov. Misticheskii Master, Moscow, Veche, 2014, 256 p.
11. Utekhin N. P. «Master i Margarita» M. Bulgakova: Ob istochnikakh deistvitel'nykh i mnimyykh, *Russkaya Literatura*, 1979, № 4, pp. 97–102.
12. Fuko M. O transgressii, Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny KhKh veka, Saint-Peterburg, Mifril, 1994, 346 p.

Подгорская А. В. Художественная «реконструкция» библейского образа Иуды в литературе XX века (Л. Андреев «Иуда Искариот» и М. Булгаков «Мастер и Маргарита») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 46–49.

Podgorskaya A. V. Artistic "Reconstruction" of Biblical Images in the XX Century Literature (L. Andreev's "Judas Iskariot" and M. Bulgakov's "Master and Margarita"), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2021, vol. 5, no. 2, pp. 46–49.

Дата поступления статьи – 04.03.2021; 0,4 печ. л.

Сведения об авторе

Подгорская Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; podgorsky_a@mail.ru

Author:

Anna V. Podgorskaya, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; podgorsky_a@mail.ru